

Извиваясь и уворачиваясь по всей каюте, Чжун Мин с трудом сумел уберечь своё второе ухо, и в процессе наконец разобрал, о чём вообще речь — предстояло идти в дом семьи Цзян на банкет. Причина, по которой вторая тётка рассердилась, была проста: она говорила ему об этом ещё несколько дней назад, а он напрочь всё забыл.

Чжун Мин не удержался, почесал нос — и выдал себя с головой: неловкость, как на ладони. Он прекрасно знал, каким был в молодости. Даже если бы он не прожил ту самую прошлую жизнь и не вернулся сейчас с двадцатилетним багажом, он бы в любом случае всё позабыл подчистую. В то время он целыми днями думал только о том, как бы пробиться в уезде, найти лазейку, чтобы устроиться работать в дом какой-нибудь зажиточной семьи на суше, — мечтал о дне, когда ему удастся покинуть унижительный статус «человека воды».

В той прошлой жизни брат погиб вскоре после тайфуна, и с того момента Чжун Мин возненавидел Байшуйао, а вместе с ним — и всё море. Он твёрдо верил: если бы не это проклятое море, его дом не оказался бы в руинах, он не потерял бы всё.

Но жизнь доказала, что старшие были правы: у людей суши сотни хитростей на уме, — такие, как он, были для них лёгкой добычей. Прошло не так уж много времени, и он попался на удочку проезжих купцов. Ему поручили отвезти товар в уездный город, а на выезде отряд солдат схватил его с поличным. В его вещах нашли несколько жемчужин — и тут же навесили обвинения: незаконная добыча казённых драгоценностей, незаконная торговля. Никто даже слушать его не стал — в тот же день он получил порку и угодил в тюрьму.

В прошлой жизни он испил всё до дна — и сладкое, и горькое, и кислое, и солёное. Если по-честному, виноват был сам — заносчивость, амбиции без таланта, жажда большего при полном отсутствии умения довести до конца хотя бы малое. Именно эта дурная порода и сгубила его.

Теперь же, когда судьба даровала ему шанс начать всё сначала, он больше не имел права идти по прежнему пути. Надо жить прочно, надёжно, твердо стоя на ногах. Поэтому, глядя прямо в глаза второй тётке и прижимая ладонями оба уха, он послушно сказал:

— Понял, вторая тётя. На сегодняшнее угощение обязательно пойду.

Чжун Чунься посмотрела на него с недоверием, но молча кивнула и больше не стала настаивать. На самом деле ей и не нужно было, чтобы он просто пошёл есть. Но говорить об этом вслух она не стала — знала, что если скажет лишнего, парень враз сорвётся и сбежит.

Забрав Чжун Ханя, она повела его умываться и расчёсываться, а уходя, напоследок напомнила старшему племяннику:

— Только смотри, не забудь не только умыться и привести себя в порядок, но и захвати подарок. Раньше, когда у нас в семье были похороны, семья Цзян тоже приносила дары. Сейчас не нужно ничего большого — возьми мешочек соли или десяток медяков, и хватит.

Чжун Мин кивнул, глядя вслед младшему брату, который всё оборачивался и махал ему. На душе было муторно и тяжело, чувства навалились все разом — горечь, благодарность, нежность, боль, и всё это давило, комом вставало в горле, жгло глаза.

В прошлой жизни он совершенно не почувствовал приближение тайфуна — всё было как обычно: шлялся по деревне, не думая о времени, и, как всегда, не возвращался домой до самой ночи. Но именно в тот день он напился до бесчувствия, и дружки-бездельники попросту бросили его в конюшне при трактире. Пробудился он лишь под утренним ливнем, когда вода хлестала по лицу и, наконец, донёлся слух: морской дракон поднялся, начался шторм.

Когда Чжун Мин добрался обратно в Байшуйао, солнце уже вставало над горизонтом. Вместо дома - руины: лодка разнесена в щепки, а младший брат утонул в море.

И даже клочка одежды, хоть какого-то следа — ничего не осталось.

— Иди с тётей, — сказал он теперь, подавив все эти мысли, старательно изобразив беззаботность и равнодушие, лишь бы никто не заметил странности.

У водных людей свадьбы устраивались почти так же, как у тех, кто жил на суше. Хоть молодые и начинали готовиться с раннего утра, пир — как и у всех — устраивался ближе к закату. Разница была только в месте: угощение накрывали на цепочке лодок, соединённых друг с другом в ряд.

Между лодками были проложены доски, и при ходьбе они скрипели, издавая тонкие, тянущиеся звуки. Если бы на такое торжество пришёл сухопутный человек, он, пожалуй, и шагу бы не сделал — боялся бы упасть в воду. А вот дети из водных семей, даже те, кому не исполнилось и трёх, бегали по доскам как по ровной дороге.

Лодки, предназначенные для свадьбы, украшались живыми цветами, по углам развешивали фонари. На носу главной лодки, где сидели молодожёны, закрепляли длинную алую ленту. На свёрнутом тенте клеили иероглиф счастья, по бокам каюты вешали вышитые занавески с узорами уток-мандаринок — символами супружеской верности.

Кроме Чжун Мина с младшим братом, в семье Чжун Чунься были ещё муж Тан Даян и двое детей: дочь Тан Ин и сын Тан Цюэ. Они вместе направились к главной свадебной лодке, как положено — сначала поднести дары и поздравить, только после этого разрешалось сесть за стол.

Хотя время было ещё раннее, народу уже собралось немало. В Байшуйао за год мало что происходило интересного — все вставали затемно, работали до изнеможения, и только когда в деревне случалась свадьба, появлялась возможность собраться всем вместе и хоть немного повеселиться.

Вот и сейчас — молодёжь, девушки, геры и парни, разделились по лодкам и перекликались

песнями. С этой стороны — куплет, с той — ответ. Если между кем-то уже теплели чувства, то песня становилась способом намёка, признания, а иногда и началом истории любви. В отличие от сухопутных, люди воды относились к чувствам куда свободнее — здесь почти не бывало слепых браков и женитьбы «втемную». А если после свадьбы не ладилось — расходились без особых церемоний.

Песни, что сейчас пели, происходили от старинных рыбацких напевов — они были плавные, протяжные, с мягкими переливами, совсем не такие, как крепкие и звонкие крики, которыми переговаривались на морских промыслах.

Чжун Мин смотрел на всё происходящее с невольной теплотой и лёгкой грустью — воспоминания накрыли с головой. И тут вдруг — локоть в бок. Он опустил взгляд и увидел, как вторая тётка подталкивает его подбородком и с прищуром велит:

— Хватит глазеть, иди тоже пой, чего встал!

Чжун Мин машинально отшатнулся и замотал головой. Раньше он терпеть не мог всё это пение и флирт — казалось глупым до крайности, а теперь и подавно не собирался участвовать.

— Да там одни дети, мне туда соваться ни к чему, — буркнул он с видом полного равнодушия.

На этот раз подзатыльник прилетел уже от дяди.

— Дети, говоришь? А сам-то ты уже взрослый? Семнадцать лет тебе, а до сих пор один как перст — и не стыдно говорить такое? Живо иди пой! Мы с твоей тёткой решили — в этом году ты обязательно должен найти себе жену или фулана. Точка!

Подхваченный двумя старшими, буквально силой втащенный на лодку, Чжун Мин наконец понял, в чём тут дело: не ради угощения его сюда позвали — тётка с дядей устроили ему смотрины. Но он только вздохнул. В прошлой жизни он вкусил до глубины одиночество и холод — и теперь, подумав о браке, не ощутил ни страха, ни отвращения.

Что ж, раз уж пришёл — пусть будет как будет.

А когда уже ступил на борт, стало ясно — отступать поздно.

Хотя в характере у него и были черты, раздражавшие старших, среди молодых парней он пользовался уважением. Всё дело в том, что плавал он лучше всех, был человеком честным и щедрым — часто привозил из уезда лакомства, делился редкостями. Так что тут же нашлись несколько парней, настроенных на веселье: кто за руку потянул, кто в спину подтолкнул — и через пару мгновений Чжун Мин оказался прямо в центре внимания.

А на противоположной лодке девушки и геры загорелись не меньше — никто не ожидал, что

Чжун Мин, который всегда сторонился подобных затей, сегодня вдруг выйдет на дуйгэ, пение в ответ!

Пусть небо уже темнело и вечер опускался на воду, даже с другого конца лодки было ясно видно: Чжун Мин — высокий, статный, внешне выделяется из всех. Кто не знал, что А-Мин из семьи Чжун — самый пригожий парень во всём Байшуйао? Брови прямые, как мечи, глаза яркие, как звёзды, плечи широкие, ноги длинные — стоило лишь раз взглянуть, и мысли у любого шли вкривь и вкось.

Жаль только, парень ненадёжный: то ленится, то выкручивается, а семья бедная, да ещё и с маленьким братом на руках — обуза, одним словом. Потому ни одна приличная семья по-настоящему не хотела отдавать за него детей.

Но это — для брака. А для песенного флирта — почему бы и нет?

Так что смелые девушки и геры стали напевать, а там и другие подхватили, запела целая лодка. В ход пошли шуточные и заигрывающие мотивы вроде «Братик скучает по сестричке, девица тоскует по жениху» и «Во сне зову брата до самой зари» — веселье разгорелось вовсю.

Чжун Мин оказался в ловушке: петь — неловко, молчать — ещё хуже. В итоге, запнувшись, всё же выдал несколько строк. Слишком давно он не участвовал в подобных забавах, голос не слушался, слова путались, и в какой-то момент он сбился, не сумел подхватить следующий куплет — со смехом его оттеснили в сторону.

Чжун Мин с облегчением выдохнул, воспользовался моментом, пока все были заняты, и незаметно спрыгнул с лодки, собираясь найти младшего брата и семью второй тёти.

Но чем дальше он шёл, тем больше ощущал — словно свернул не туда. Голоса гостей остались позади, отдаляясь, будто кто-то убавлял звук в жизни. Вдалеке слышалось, как волны бьются о берег, и вдруг по телу пробежала волна холодного пота. Его охватило подозрение: а вдруг всё это — не вторая жизнь, а просто причудливый, навязчивый сон? И вот-вот он проснётся.

К счастью, это ощущение длилось недолго. Внезапно неподалёку раздался звон кастрюль, стук посуды — запах жизни, настоящий, тёплый, словно чья-то рука одним прикосновением выдернула его из наваждения. Разговоры и весёлый шум позади будто снова накрыло приливом — он вытер лицо и окончательно убедился: нет, он всё ещё в этом мире.

Пошёл на звук — несколько шагов вперёд, и увидел: у большой миски, закатав рукава, с головой склонившись над тазом с зеленью, возился гер в серой одежде. Вокруг не горело ни одного фонаря, и гер выглядел совсем крохотным, будто сжавшийся в темноте.

Ни души поблизости. Почему он не на кухонной лодке, где готовят для свадебного угощения, а тут один, в стороне — понять было невозможно.

Но, судя по всему, этот гер точно был из тех, кто помогал с угощением на свадьбе — либо со стороны невесты, либо со стороны жениха. Возможно, он знал, на какой лодке разместили семью Чжун Мина и вторую тётку.

Чжун Мин уже собирался подойти и спросить:

— Эээ...

Но не успел договорить — в тот миг, когда гер обернулся, чтобы взглянуть на него, свет луны осветил его лицо, и у Чжун Мина перехватило дыхание. Он вздрогнул — этот человек был ему незнаком. Он не мог сразу вспомнить, чей он из деревни: подбородок острый, фигура тонкая, глаза, круглые, как ядро абрикоса, в которых отразилось удивление и настороженность.

Чжун Мин тут же отступил на шаг и поднял обе руки — мол, ничего плохого не сделал — и договорил начатую фразу.

Незнакомец, отдышавшись, быстро вновь отвернулся, вернувшись к мытью овощей, движения его были быстрые, аккуратные — сразу было видно, что человек трудолюбивый, деловой.

— Ваша лодка — пятая от головной, — негромко ответил он, — это лодка дяди У.

Говорил он тихо, голос был слабоват, будто выдохся, но разборчиво.

Дядя У был родственником семьи Цзян, новобрачных. В подобных семейных торжествах свадебные лодки собирали всей роднёй, и количество судов служило своего рода показателем того, насколько серьёзно жених относится к браку и насколько крепки семейные узы.

— Спасибо.

Поскольку поблизости никого не было, оставаться наедине с одиноким гером было бы неловко, и, получив ответ, Чжун Мин поблагодарил — и ушёл.

Позади него тот самый гер продолжал мыть овощи. Вскоре его живот вдруг жалобно заурчал. Он плотно сжал губы, подавляя изматывающее чувство голода, и задвигался ещё быстрее. Надо закончить пораньше — тогда ещё будет шанс сбегать на пляж и накопать немного устриц, чтобы хоть как-то набить желудок. А не то сегодня опять придётся засыпать голодным: посуды после свадьбы будет гора, кто знает, до какого часа придётся всё перемывать.

— А вот и ты! Куда это ты удрал? Твоя тётка уже у Ху-цзы спросила — тот говорит, не видел, решили, что ты пел-пел — да и пропал!

Как только Чжун Мин вошёл в каюту, о которой говорил гер, дядя тут же заметил его и

поманил рукой. У водных людей не было столько условностей, как у сухопутных: за столом мужчины и женщины сидели вперемешку. Чжун Мин подошёл и сел рядом с дядей, а с другой стороны сразу подхватил младшего брата и усадил к себе на колени.

— Старший брат, вот тебе арахис.

Маленькая рука протянула орешек к самым губам. Чжун Мин не колебался — открыл рот и взял его прямо из пальцев.

Второй дядя был в приподнятом настроении — с энтузиазмом хлопнул Чжун Мина по плечу:

— Ты, щенок, каждый день бегаешь по деревне на пирушки, думаешь, мы не знаем? Сегодня уж попался — обязан с нами как следует выпить!

В Байшуйао почти каждая семья была в родстве с другой, разница только в степени близости. На этой лодке собралось с добрый десяток человек, и Чжун Мин, как положено, обошёл всех по кругу с поклоном и приветствием — выглядел вежливым, рассудительным и знающим обычаи. Это не укрылось от второй тётки, сидевшей справа — она то и дело бросала на него взгляды, а заодно и ещё несколько родственников украдкой присматривались к нему.

Чжун Мин машинально потрогал лицо, потом тихо спросил:

— Вторая тётя, у меня что-то на лице?

Чжун Чунься — женщина прямая, грубоватая, и с выражениями особо не церемонилась:

— У тебя на лице — ничего. Смотрим, потому что ты сегодня какой-то не такой. Боимся, как бы чего дурного не задумал.

Чжун Мин вдруг почувствовал, как у него снова начинает ныть ухо.

— Да ничего я не замышлял...

Чжун Чунься прищурилась:

— А во время дуйгэ, приглянулся тебе хоть один из тех геров или девушек?

Чжун Мин снова покачал головой:

— Никто.

Вторая тётя глянула на него с отчаянным разочарованием.

— Ты, эх ты... Вроде голова есть, смысленый, а ничего толкового придумать не можешь, — буркнула вторая тётка с досадой.

К счастью, вскоре наступил счастливый час — по традиции, именно в это время начинали подавать угощение. И блюда действительно пошли потоком, как вода. Чжун Мин, наконец, смог вздохнуть свободно — разговор с тёткой закончился, и можно было просто есть.

На столе одно за другим появлялись классические блюда рыбацкой свадьбы: приготовленный на пару морской окунь, крабы с луком и имбирём, отварные морские улитки, маринованные моллюски хуадзя. А кроме морского — по большой чашке тушёной курицы и свинины. Курица и свинина стоили дороже, чем рыба — в повседневной жизни их почти не видели. Так что как только блюда поставили, к ним тут же потянулись палочки — всякий хотел урвать кусочек мяса.

Чжун Мин, не теряя времени, ловко перехватил несколько кусков и разложил их в чашки младшему брату и двоюродным — детям из семьи второй тётки. Маленькие гурманы заулыбались и весело принялись за мясо. А в его собственную чашу легли два куска, подложенные ему дядей и тёткой.

Давно забытая забота от родных защемила в груди — до того, что у Чжун Мина даже нос заложило от волнения. К счастью, кто-то вовремя поднял бокал. Чжун Мин тут же схватил свой и, не раздумывая, залпом выпил крепкое гаолянское.

В разгар веселья, когда вино уже порядком разогрело всех, в каюту вошли молодожёны — поднести гостям свадебный тост. Сегодня замуж выходил старший гер из семьи Лу — Лу Юэ. В начале года он прошел церемонию совершеннолетия, и вот теперь выходил за своего двоюродного брата, Цзян Гуя, которому было всего шестнадцать — даже младше Чжун Мина на год. В этом свете становится понятным, почему Чжун Чунься так переживала, торопя его с женитьбой.

Выпив с новобрачными символическую чарку, гости только успели опустить бокалы, как в каюту вошла Лю Ланьцао — мать гера и по совместительству тётка жениха. Щёки её пылали, на лице играла радость. В руках она несла новые блюда: прохладную закуску из морской зелени и только что снятый с огня, ещё парящий суп из рыбьей головы с тофу.

— Невестка Лю, сегодня у вас наготовлено что надо, супы да блюда просто загляденье! — раздался чей-то комплимент.

Лю Ланьцао вытерла пот со лба, с улыбкой ответила:

— Лишь бы вам по вкусу! Где чего недоглядели — прошу не держать зла.

Но тут в разговор, как водится, встрял супруг четвёртого дяди Чжун Мина — Го, известный сплетник и охотник до пересудов. Перед ним уже скопилась горка скорлупок от арахиса, но он продолжал щёлкать орехи, один за другим кидая их в рот, и между делом протянул:

— У вас, невестка Лю, и без того народу в помощь немного. Я смотрю — все бегают, аж пятки сверкают. То, что удалось накрыть такую щедрую трапезу — уже настоящее дело. Только вот... я так и не увидел вашего племянника, того гера. Пришёл — видел, как он куда-то свернул, да что-то не заметно, чтоб помогал. Куда это он подевался, не с готовкой ж он пошёл помогать, правда?

Лучше бы он промолчал. Стоило заговорить об этом, как улыбка на лице Лю Ланьцао заметно померкла. Стало ясно: разговаривать на эту тему ей совершенно не хочется.

Рядом кто-то сообразил, что пахнет неловкостью, и незаметно подтолкнул Го локтем:

— Эй, свадьба у людей, праздник, чего ты про тех, кто настроение портит, вспоминаешь?

Го будто только сейчас сообразил, что ляпнул, хлопнул себя по губам:

— Пфу-пфу-пфу, моя вина, моя вина!

Лю Ланьцао после этих слов с трудом выдавила из себя натянутую улыбку:

— Наверное, в который раз притворился занятым, да улизнул. Когда он вдруг нужен — уж и не сыщешь. Да и что толку? Есть он — не в помощь, нет его — не в убыток.

Присутствующие дружно закивали и поддакнули:

— Всё верно. Да он, по правде сказать, если уж не объявился — только лучше.

— Эх, и ребёнок этот... — вздохнул кто-то. — Столько лет его растили, а он ни благодарности, ни совести. Пусть бы даже на глаза не показывался, но хоть по-хорошему помог бы — пошёл бы на кухню, хоть бы чего поднес, посуду помыл.

Го, услышав это, сплюнул прилипшую к языку шелуху от арахиса и презрительно фыркнул:

— Да уж, черновую работу — ладно, а вот на кухню его и пускать нельзя. Что он руками тронет — я уж точно есть не стану, не ровен час, живот скрутит. А вы бы рискнули?

Сказав это, он с самым серьёзным видом повернулся к Лю Ланьцао с советом:

— Ты просто мягкотелая, вот что. А по мне, лучше уж поскорее найти ему какое-нибудь далёкое место — выдать замуж куда подальше, да и забыть.

Лицо Лю Ланьцао потемнело.

— Я ему, в конце концов, только тётка по дяде. Где мне за него судьбу решать? Народ и так за спиной судачит — если я ещё сама женитьбу устрою, спину потом пальцами проткнул...

Потом, будто спохватившись, она выпрямилась, улыбнулась и добавила:

— Эх, да в такой день — не будем о посторонних. Вы ешьте, пейте, а я пойду — дел ещё много.

Она ушла, но разговор ещё не стих.

Чжун Мин, слушая всё это, не мог не подумать о том самом гере, что один в углу мыл овощи и ответил ему на вопрос. Его появление там уже показалось странным — как раз в том направлении, куда, по словам Го, кто-то ушёл. Судя по всему, обсуждали именно его.

Раз уж разговор коснулся конкретного человека, Чжун Мину стало любопытно: чем тот мог так провиниться, чтобы столько яда лилось ему за спиной? Выглядел тот гер тихим, даже простоватым... или, может, внешность обманчива?

Но, увы, кажется, только он один из всех не знал подробностей. Остальные, ведомые Го, продолжали перешёптываться, но только в общем: «наглая рожа», «неблагодарный паразит» — ни имени, ни сути, ни малейшего объяснения.

А потом на стол подали новые блюда, и все дружно переключились на еду, замолчав.

Чжун Мин почувствовал, как интерес тут же улетучился. Он зевнул, наклонился к младшему брату и сосредоточился на том, чтобы аккуратно очистить для него мясо краба.

<http://bllate.org/book/13583/1204981>